Kelten-Einfälle... 2007: Kelten-Einfälle an der Donau. Akten des IV Symposiums deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen. Linz–Donau, 17.–21. Juli 2005 / H. Birkhan, H. Taubler (Hrsg.). Wien.

Campbell D.R.J. 2009. The So-Called Galatae, Celts and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC. Diss. Leicester.

Celts on the Margin 2005: Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD, Dedicated to Zenon Wozniak / H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska (eds.). Kraków.

Džino D. 2007: The Celts in Illyricum – Whoever they May Be: the Hybridization and Construction of Identities in South-Eastern Europe in the Fourth and Third Centuries BC // *Opuscula archaeologica*. 31, 49–68.

Falileyev 2007: Celtic Dacia. Personal Names, Place-Names and Ethnic Names of Celtic Origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwith.

Falileyev A., Emilov J., Theodossiev N. 2010: Celtic Bulgaria. Sofia.

Gabelko O.L. 2006: «Phaennis' Oracle» (Zosim. II. 36–37) and the Galatians' Passage to Asia Minor // «Trojaner sind wir gewesen» – Migrationen in der antiken Welt / E. Olshausen, H. Sonnabend (Hrsg.) Stuttgart, 211–228.

Histories of Polybius 1992: The Histories of Polybius / Transl. by W.R. Paton. Vol. 2. Camb. (Mass.) – L.

Parke H.W. 1982: The Attribution of the Oracles in Zosimus, *New History* 2. 37 // CQ. 32, 441–444.

Stoyanov T. 2005: The Mal-tepe Complex at Mezek. The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of M. Domaradzki. Oxf., 123–128.

Strobel K. 1996: Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd I. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien. I. B.

Theodossiev N. 2000: North-Western Thrace from the Fifth to the First Centuries BC. Oxf.

Tomaschitz K. 2002: Die Wanderungen der Kelten in der antiken literarischen Überlieferung. Wien.

Walbank F.W. 1957: A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf.

O.L. Габелко,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского (Приволжского) федерального университета

© 2012 г.

A.M. ECKSTEIN. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. XI, 439 p.

Римский империализм и, в частности, римская экспансия в Восточном Средиземноморье в последней трети III – первой трети II в. до н.э. всегда привлекали внимание наиболее значительных историков античности и подверглись всестороннему изучению в науке XIX–XX веков¹.

Теодор Моммзен стоит у истоков теории так называемого «оборонительного империализма». Долгое время эта теория господствовала в историографии. По мнению немецкого историка, Рим в это время «вовсе не стремился к владычеству над государствами Средиземного моря и желал только одного – иметь в Африке и Греции безопасных соседей»².

¹ Упомянем лишь наиболее влиятельные из многочисленных работ на эту тему: Mommsen 1854–1856; Frank 1914; De Sanctis 1907–1923; Holleaux 1935; Badian 1968; Harris 1979. В отечественной историографии теме римского империализма были специально посвящены следующие монографии: Ростовцев 1918; Кашев 1993.

² Mommsen 1854 (цит. по рус. изд.: Моммзен 1994, I, 547).

Накануне Первой мировой войны эта точка зрения была поддержана видным американским антиковедом Т. Франком, который одним из первых провел столь популярную в наши дни параллель между Римом и современными ему США. Т. Франк писал о «мягком империализме» и скорее оборонительной, чем наступательной тактике римской экспансии³.

Ситуация начала существенно меняться лишь после Второй мировой войны, главным образом, с выходом в свет книги Э. Бэдиана, который, признавая отсутствие территориальных претензий римлян на греческом Востоке, тем не менее писал о так называемом «гегемонистском империализме» Рима в отношении государств Восточного Средиземноморья в рассматриваемую эпоху⁴.

Однако настоящим переломом в представлениях о характере римского империализма стал выход книги У. Харриса «Война и империализм в республиканском Риме 327–70 гг. до н.э.» (1979), в которой доказывается, что римская внешняя политика в период Республики была последовательно агрессивной и что сенат постоянно и намеренно стремился к войне⁵. В своем труде У. Харрис показывает Рим «международным хищником» античного мира, исключительная агрессивность которого была обусловлена воинственными представлениями римской аристократии о путях достижения личного престижа и славы. Американский историк считает, что в Риме вовсе не было «всеобщего нежелания» отторгать территории других государств и все случаи отказа римлян от аннексии можно объяснить частными обстоятельствами⁶.

Книга У. Харриса оказала весьма глубокое воздействие на всю последующую зарубежную историографию проблемы римского империализма. Подход У. Харриса получил признание таких крупных западных специалистов в этой области, как Дж. Норт, К. Раафлауб и Н. Розенштейн⁷, благодаря чему теория «оборонительного империализма» была на какое-то время практически полностью отвергнута. В новейшей западной литературе последователями идей У. Харриса являются П.С. Дероу и Э. Эрксин⁸.

Вместе с тем, именно в последние годы тема римского империализма вновь вызвала живой интерес в зарубежной историографии во многом благодаря выходу двух монографий на эту тему американского историка, профессора Мэрилендского университета (США) Артура Экстейна, который попытался оспорить утвердившуюся точку зрения У. Харриса и вернуться в некоторых вопросах к позициям Т. Моммзена и М. Олло.

А. Экстейн – автор четырех монографий и пятидесяти специальных статей по разным темам, а также соавтор в нескольких коллективных изданиях. Его первая книга «Сенат и полководец: индивидуальное принятие решений и римские иностранные дела» (*Senate and General: Individual Decision-Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B.C.*; 1987) посвящена проблеме принятия дипломатических решений римскими военачальниками. Во второй книге «Моральные взгляды в “Истории” Полибия» (*Moral Vision in the Histories of Polybius*; 1995) была представлена достаточно оригинальная интерпретация взглядов Полибия на мораль в контексте международной анархии.

Две последующие книги были написаны как междисциплинарные исследования с применением к эллинистическо-римскому миру системного подхода современной теории международных отношений. Обе они привлекли особое внимание исследователей, занимающихся проблемами римского империализма. Первая из них, «Средиземноморская анархия, межгосударственная война и возвышение Рима» (2006), является в значительной степени общим методологическим введением к дальнейшим исследованиям. В начале этой работы обосновываются возможность и продуктивность применения так называемой «реалистской парадигмы» (*Realist paradigm*), выработанной в рамках современной теории международных отношений, к эллинистическо-римской и шире – античной действительности⁹. В дальнейшем дается общий обзор истории международных отношений в античном мире в V–III вв. до н.э.¹⁰, и доказывается типический характер внешней политики Рима в рамках «межго-

³ Frank 1914, 356. Схожие позиции в первой половине XX в. высказывали итальянский антиковед Г. де Санктис и французский историк М. Олло, а во второй половине XX в. Ф. Уолбэнк: De Sanctis 1923, IV (1); Holleaux 1935, 175; Walbank 1967, 105.

⁴ Badian 1968, 4. Подробнее о дискуссии 1960–70-х годов в зарубежной историографии о характере римского империализма см., например, Gruen 1984, 98–382.

⁵ Harris 1979, 2 ff.

⁶ Harris 1979, 131–132, 158–162.

⁷ North 1981; Raaflaub 1996; Rosenstein 1999, 193–205.

⁸ Derow 2003; Erksine 2010, 36–47.

⁹ Eckstein 2006, 1–36.

¹⁰ Eckstein 2006, 36–180.

сударственной анархии» (interstate anarchy), которая, по мнению автора, характеризовала систему международных отношений древнего мира вплоть до конца III в. до н.э.¹¹

Вторая книга, которая здесь рецензируется, посвящена более конкретному сюжету и поэтому представляет больший интерес для историка-антиковеда. Книга состоит из трех частей: первая из них посвящена первым контактам Рима с греческим Востоком (230–205 гг. до н.э.), вторая – тому периоду (205–200 гг. до н.э.), который автор обозначает термином «кризис перестановки сил» (power-transition crisis)¹², связанный с ослаблением Птолемеевского Египта и крушением прежде существовавшей триполярной системы отношений на эллинистическом Востоке; наконец, в третьей части рассматривается так называемая «война за гегемонию» и установление Римом «иерархии» в межгосударственной системе Средиземноморья.

По мнению А. Экстейна, объяснить военное столкновение Рима с эллинистическими державами Антигонидов и Селевкидов на рубеже III–II вв. до н.э. может помочь так называемая «реалистская парадигма»¹³.

В основе этого подхода к изучению международных отношений лежит определенная система взглядов, получившая название теории политического реализма. Одним из самых авторитетных представителей ее в 30-е и особенно в послевоенные 40-е годы XX в. был Г. Моргентау. Центральными для этой теории являются «понятие интереса, определенного в терминах власти» и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и так далее.

Одним из исходных для политического реализма является положение об анархической природе международных отношений, основные действующие лица которых – «территориально-организованные единицы» (в древности – города-государства или династические монархии, в современном мире – национальные государства). Из международной анархии возможны два выхода: разработка международного права в результате добровольного соглашения государств (нечто подобное, по мнению А. Экстейна, произошло в современном мире), либо переход от анархии к строгой иерархии, в которой одно-единственное государство устанавливает правила игры для всех остальных (именно таким видит автор выход античного мира из межгосударственной анархии)¹⁴.

В рамках «межгосударственной анархии» (interstate anarchy) война является обычным средством разрешения конфликта. А. Экстейн справедливо подчеркивает, что государства Средиземноморского мира в древности были вовлечены в постоянные войны, а в условиях слабого развития античной дипломатии избежать их было подчас практически невозможно. Грубое поведение античных государств по отношению друг к другу происходило не столько от их жадности и стремления к экспансии, сколько от страха за свою безопасность и стремления к самосохранению. Исходя из этого тезиса Рим, по мнению А. Экстейна, отнюдь не был «патологически» агрессивным и воинственным в рамках данной системы государств, поскольку, следуя «принципу подобия», он не мог позволить себе проводить политику отличную от политики других международных игроков¹⁵.

Одной из черт, характеризующих систему «межгосударственной анархии», является так называемая «дипломатия принуждения» (compellence diplomacy) – понятие, которое А. Экстейн также довольно широко использует в рамках своего исследования. Под этим термином понимается такая модель дипломатических отношений, которая основана исключительно на угрозе применения силы и не предусматривает возможности компромисса. Подобный тип дипломатических акций некоторыми авторами считался характерным особенно для Рима, однако А. Экстейн доказывает, что это была общераспространенная модель дипломатии в рамках средиземноморской системы государств¹⁶.

Первые значительные внешнеполитические шаги римлян в Восточном Средиземноморье (первая и вторая Иллирийские войны) рассматриваются во II главе книги. Основной причиной обоих конфликтов автор считает пиратство в Адриатике, которое затрагивало торговые интересы римских союзников на юге Италии и в Сицилии (в частности, Тарента и Сиракуз). А. Экстейн подчеркивает: римское вмешательство сопровождалось просьбами со стороны греческих купцов об обеспечении безопасности торговли, и добавляет – у Рима отсутствовали территориальные притязания к прави-

¹¹ Eckstein 2006, 181–316.

¹² Данный термин является одним из ключевых для А. Экстейна и требует особого пояснения. Автор понимает под ним «...внезапное ослабление возможностей одного или нескольких ключевых игроков международной системы и/или внезапный рост возможностей одного или нескольких из остальных игроков системы» – Eckstein 2008, 20 (здесь и далее пер. наш. – А.В.).

¹³ Eckstein 2008, 7.

¹⁴ Eckstein 2008, 7–8.

¹⁵ Eckstein 2008, 9–13.

¹⁶ Eckstein 2008, 14–16.

телям Иллирии. Итогом военных конфликтов он считает установление неформальной «дружбы» между Римом и приморскими греческими городами¹⁷.

Вместе с тем, А. Экштейн признает, что это римское вмешательство в иллирийские дела было классической империалистической акцией. Однако он также отмечает факт вывода войск из стратегически-важных пунктов после завершения конфликта и объясняет это решение отсутствием серьезных римских интересов в данном регионе¹⁸.

Упоминание в договоре между Филиппом V и Ганнибалом семи городов Адриатического побережья как якобы находящихся под властью римлян (Polyb. 7.9.13) А. Экштейн считает не более чем антиримской пропагандой¹⁹. Думается, что это не так: все же маловероятно, чтобы в тексте договора, по всей видимости, довольно точно передаваемого Полибием, присутствовали пропагандистские мотивы, если учесть, что этот договор имел характер пакта о ненападении и дальнейшем разделе сфер влияния между Македонией и Карфагеном. Решение римлян атаковать Деметрия Фаросского в 219 г. до н.э. А. Экштейн объясняет ухудшением геополитического положения республики накануне второй Пунической войны и желанием обеспечить римскую безопасность в Адриатике. В то же время А. Экштейн отвергает точку зрения М. Олло, который утверждал, что это событие было частью начавшейся борьбы Рима и Македонии²⁰.

Таким образом, римское участие в обоих иллирийских конфликтах объясняется не агрессивными мотивами, а напротив, – стремлением защититься от потенциальной угрозы и обеспечить безопасность торговли в Адриатике. И все же подобная мысль, которая претендует на демонстрацию «реальных целей» римской политики, является ничуть не менее спорной, чем оспариваемая А. Экштейном позиция У. Харриса. Декларируемое отсутствие серьезных римских интересов в Адриатике как раз и подчеркивает агрессивность римской политики, поскольку лишь агрессивное государство склонно применять силу в тех случаях, когда его интересам всерьез никто не угрожает.

В III главе А. Экштейн переходит к рассмотрению того конфликта, который в историографии получил название первой Македонской войны. В этой главе анализируется идея Полибия о прогрессирующей взаимосвязи двух частей Средиземноморья (συντλοκή), началом которой греческий историк считал заключение летом 217 г. мира между Филиппом и Этолийским союзом, когда уроженец Навпакта Агелай заявил о «тучах, сгущающихся на западе и надвинувшихся теперь на Элладу» (Polyb. 5. 104. 1–11). Греческий автор писал об этих событиях спустя полвека, и вряд ли современники столь же глубоко оценили важность этого события. Впрочем, А. Экштейну близка эта мысль греческого историка, поскольку, согласно его собственной гипотезе, в результате последовавшего «кризиса перестановки сил» две средиземноморские субсистемы государств (западная и восточная) оказались объединены в единую систему, что и было ознаменовано участием Рима в разрешении этого кризиса²¹.

А. Экштейн отвергает точку зрения М. Олло и солидарного с ним У. Харриса, что после первой Македонской войны римляне точно знали о скором вступлении в борьбу на Востоке и использовали нападение Филиппа в качестве повода для мести²². Подобная макиавеллистская стратегия, по справедливому мнению А. Экштейна, была невозможна для римского правительства, которое в тот момент подвергалось одному внешнеполитическому кризису за другим²³.

Теперь самое время подойти к ключевым для всей книги главам, в которых высказывается основная гипотеза исследования. А. Экштейн предполагает, что в 207 г. до н.э. в связи с ослаблением и постепенным упадком Птолемеевского Египта, где в это время разгорелось широкомасштабное движение местного населения против центральной власти, а вскоре последовала смерть Птолемея IV, оставившего государство малолетнему наследнику, триполярная система международных отношений, существовавшая в эллинистическом мире в условиях межгосударственной анархии, оказалась в состоянии «кризиса перестановки сил». Именно этот кризис, а не исключительная агрессивность римского империализма и был причиной того, что римляне впервые с большими силами решили включиться в восточно-средиземноморскую политику в 200 г. до н.э.²⁴

Доказательству этой гипотезы посвящены IV, V и VI главы книги. Одним из основных аргументов, которые использует А. Экштейн, является наличие договора, заключенного, по всей видимости, зимой 203/202 гг. до н.э. между царями Филиппом V и Антиохом III о совместных действиях по

¹⁷ Eckstein 2008, 29–43.

¹⁸ Eckstein 2008, 42 (об империализме), 53 (об отсутствии интересов).

¹⁹ Eckstein 2008, 55.

²⁰ Eckstein 2008, 62–64; точка зрения М. Олло: Holleaux 1935, 131–146.

²¹ Eckstein 2008, 224–225.

²² Holleaux 1935, 286–297; Harris 1979, 207–209.

²³ Eckstein 2008, 114.

²⁴ Eckstein 2008, 124.

разделу Птолемеевского Египта (Polyb. 3. 2. 8, 15. 20, 16. 1. 8–9; Liv. 31. 14. 5; Justin. 30. 2. 8). Существование этого договора было поставлено под сомнение в историографии²⁵. Американский историк Р. Эррингтон в свое время предположил, что Полибий неправильно истолковал соглашение между Филиппом V и Селевкидским полководцем Зевкисом, касавшееся совместных действий против Родоса и Пергама²⁶.

А. Экстейн настаивает на существовании формального договора и подвергает критике предположение Р. Эррингтона, справедливо замечая, что любой эллинистический монарх даже исключительно из соображений престижа не стал бы вступать в дипломатические отношения с кем-либо, кроме как с равным себе по положению. Помимо этого общего утверждения автор приводит ряд вновь обнаруженных эпиграфических свидетельств в пользу существования договора²⁷.

В наиболее подробном рассказе о договоре Полибий говорит о том, что Τύχη (Судьба) ниспослала римлянам на обоих царей, а их подлые замыслы против других обратила на них самих, как они того заслужили (Polyb. 15. 20). Этот пассаж о вмешательстве Τύχη зачастую и рассматривали как признак недостоверности фрагмента, однако А. Экстейн убедительно показывает, что у Полибия идея вмешательства Τύχη в наиболее важные исторические события встречается не раз и весьма органична для его мировоззрения²⁸.

Рассмотрение последовавших событий также приводит автора к выводу не только о существовании договора царей, но и начале действий по его реализации в 202–201 гг. до н.э. (захват Филиппом главной морской базы Птолемеев в Эгиде Самоса, города Милета и некоторых других менее значительных пунктов, а также наступление Антиоха на Келесирию, Финикию и Иудею)²⁹.

Существование договора царей действительно весьма вероятно, однако нет никаких свидетельств того, что в нем были оговорены характер совместных действий двух держав или условия раздела Египта. Все это сохраняет подозрения в том, что договор мог носить достаточно условный характер и в таком случае не должен был оказать решающего воздействия на ход событий в Восточном Средиземноморье. Думается, что А. Экстейн в данном случае несколько преувеличивает реальную угрозу этого договора для остальных участников международной системы эллинистического Востока.

Дипломатической реакции греческих государств «второго разряда» на заключение договора между царями посвящена V глава книги. В этой главе А. Экстейн использует понятие «дипломатической революции» для характеристики событий, происходивших на греческом Востоке в последние годы III в. до н.э. «Дипломатической революцией» он считает достаточно радикальную смену внешнеполитического курса всех тех государств системы, которым этот пакт потенциально угрожал³⁰.

В отношении Родоса аргументация А. Экстейна, основанная на кратком сохранившемся отрывке Полибия (18. 41a) и более пространном изложении Ливия (33.20), представляется убедительной. В частности, довольно красноречив тот факт, что родосцы, которые первоначально предьявляли ультиматум Антиоху, опасаясь его соединения с Филиппом, немедленно отказались от намерения выступить с флотом против Антиоха, когда узнали о поражении при Киноскефалах (Liv. 33. 20. 2–10).

Что касается Пергама, то и здесь автор справедливо отмечает, что союз с Родосом против Филиппа был для пергамского царя Атгала I пересмотром прежней внешнеполитической линии, в рамках которой Родос являлся основным соперником Пергама в Эгиде и на малоазийском побережье. В этом же ряду стоит и Египет, который, судя по всему, вел тайные переговоры с Филиппом о заключении с ним союза, а также – династического брака между Птолемеем V и одной из дочерей Филиппа (Polyb. 15. 25. 13; 16. 22. 16). Однако после того как стало известно о договоре Филиппа с Антиохом, Египет резко изменил свою политику и отправил посольство в Рим с просьбой выступить в его защиту³¹.

Ключевым итогом «дипломатической революции» было, по мнению А. Экстейна, одновременное обращение в Рим посольств из четырех или пяти эллинистических государств (Родоса, Пергама, Египта и Афин, а возможно, и Этолийского союза) с просьбами о защите от Филиппа и Антиоха. Объясняя, почему они поступили именно так, А. Экстейн ссылается на крупнейшего теоретика так называемой «неореалистской парадигмы» К. Уолца, писавшего: «Встречаются государства, формирующие балансы сил, вне зависимости – хотят они этого или нет»³².

²⁵ Badian 1964, 135, n. 3; Harris 1979, 312, n. 2.

²⁶ Errington 1971, 336–354 (это предположение основано на: Polyb. 16. 1. 8–9).

²⁷ Eckstein 2008, 169–172, 177–178.

²⁸ Eckstein 2008, 135–137.

²⁹ Eckstein 2008, 150–180.

³⁰ Eckstein 2008, 181–184.

³¹ Eckstein 2008, 143–144, 201–206.

³² Waltz 1979, 125.

Думается, в данном вопросе автор все же чересчур усложняет побудительные мотивы эллинистических государств к тем или иным внешнеполитическим акциям. Например, нет необходимости дополнительно объяснять отказ Родоса от так называемой «политики следования за сильным» (возможности вступить в союз с Филиппом и Антиохом и воспользоваться плодами этого союза) неким общим для всего греческого мира идеалом чести, определявшим границы достойного и недостойного поведения в международных делах³³, поскольку вполне убедительным и достаточным мотивом являются опасения родосцев за свою будущую судьбу в рамках нового миропорядка.

В главе VI рассматриваются причины, побудившие Рим вмешаться в восточно-средиземноморские дела в 201 г. до н.э. В данном контексте А. Экстейн снова подчеркивает необходимость системного (или даже «многоуровневого анализа») и опасность «историографии, сосредоточенной лишь на внутренних факторах»³⁴.

У. Харрис в своей книге настаивал на том, что частота военных конфликтов с участием римлян во многом определялась тем, что для любого римского политика началом его политической карьеры была военная служба, а политический авторитет добывался главным образом на поле боя³⁵. А. Экстейн оспаривает это соображение на том основании, что именно выработанный в течение столетий милитаризм и воинственный этос римской аристократии позволили Риму выжить в условиях анархического окружения. Впрочем, в то же время А. Экстейн подчеркивает «функциональную схожесть» всех государств эллинистической системы³⁶.

Возникает явное противоречие: если настаивать на утверждении об общей для всех государств античного Средиземноморья агрессивности и воинственности, то можно ли говорить об этих чертах как об особенных и предоставивших преимущество именно Риму?

Еще один термин, введенный в научный оборот современным французским исследователем П. Вейном как раз по отношению к Риму³⁷, А. Экстейн использует для определения природы римской внешней политики: «рутинный империализм» (the imperialism of routine). Он также применяет этот термин, характеризуя все эллинистические государства и подразумевая при этом их постоянное стремление к увеличению собственной власти и влияния и к контролю за международным окружением³⁸.

По вопросу о непосредственных причинах римского вмешательства в восточные дела в 201 г. до н.э. позиция А. Экстейна достаточно ясна, даже будучи окруженной целым веером понятий и концептуальных разработок политологов: «дипломатический катализатор»³⁹ (diplomatic catalyst; посольства греческих государств в Рим), принятие решения исходя из «наихудшего сценария» (worst-case scenario; например, соединение ресурсов Египта и Сирии давало возможность Антиоху содержать армию не менее чем в 150 000 человек, что вдвое превышало римские силы, участвовавшие в Каннском сражении)⁴⁰ вследствие «принципа неопределенности» (the uncertainty principle; расширительно говоря, невозможность реально оценить угрозу вследствие недостатка информации). Безусловно, А. Экстейн стремится если не оправдать полностью римское вмешательство в дела Восточного Средиземноморья, то показать, сколькими внешними обстоятельствами оно было продиктовано. Подобная позиция все же страдает односторонностью, поскольку практически исключает из рассмотрения внутренние побудительные стимулы к внешней агрессии не только всей римской аристократии, но и отдельных ее представителей, зачастую принимавших судьбоносные военно-политические решения на местах.

VII и VIII главы книги посвящены так называемой «системной войне за гегемонию» (в историографической традиции – это вторая Македонская и Сирийская войны 200–188 гг. до н.э.)⁴¹.

³³ Eckstein 2008, 219–220.

³⁴ Eckstein 2008, 230–231.

³⁵ Harris 1979, 10–41.

³⁶ Eckstein 2008, 232.

³⁷ Veyne 1975, 794.

³⁸ Eckstein 2008, 237.

³⁹ «Информация или событие, которое трансформирует представление элиты о значимости принятия внешнеполитического решения, так что возможная цена и риски бездействия внезапно оказываются более серьезными, чем возможная цена и риски активного вмешательства» – Lebow 2001, 614.

⁴⁰ «Недоверие по отношению к мотивам и побуждениям других государств в условиях межгосударственной анархии, связанное с неопределенностью информации о реальных возможностях и ресурсах других государств и о собственных реальных возможностях и ресурсах в сравнении с ними» – Morgenthau 1973, 208.

⁴¹ «Борьба за лидерство и контроль над всей системой, в ходе которой создается (правда, только после широкомасштабного насилия) новая межгосударственная структура, которая в большей степе-

В результате этой войны и по условиям Апамейского мира 188 г. до н.э. две региональные субсистемы античного Средиземноморья образовали единую «однополярную» систему, в рамках которой Рим остался единственной сверхдержавой на пространстве от Испании до Сирии⁴².

Один из наиболее дискуссионных вопросов в пределах затронутой в этих главах темы – проблема Истмийской декларации «о свободе греков» 196 г. до н.э. А. Экстейн утверждает, что уход римлян после победы над Македонией не был выгоден для греков, поскольку на повестке дня еще была угроза со стороны Антиоха. Ливиево свидетельство (32. 21. 36) автор приводит в качестве доказательства того, что идея объявления эллинской свободы принадлежала не Титу Квинкцию Фламинину, которого он считает не более чем «восточным экспертом» римского правительства, а его греческому советнику, государственному деятелю Ахейского союза Аристену. Для римлян такой шаг был возможностью вывести войска с Балкан, не теряя престижа и сохраняя неформальное лидерство, однако этот вывод войск оказался их серьезной ошибкой, поскольку они фактически передали инициативу в руки Антиоха⁴³. Подобная трактовка весьма сомнительна, хотя и не совсем неправдоподобна. Необходимо учитывать, что римляне, видимо, плохо понимали, что делать с Грецией после победы над Филиппом. Что же касается вопроса о том, кто был автором Истмийской декларации, то Полибий называет именно Фламинина (Polyb. 18. 45. 7–12).

В истории войны с Антиохом ключевые вопросы для А. Экстейна можно обозначить таким образом: почему две державы не смогли договориться и почему не была установлена биполярная система взаимоотношений? Как считает А. Экстейн, разногласия между Римом и Антиохом не были непреодолимы, а Рим тогда еще не помышлял о безраздельной гегемонии. А. Экстейн объясняет это закономерностью, которая была выявлена в трудах теоретиков международного права, а именно – неизбежностью стремления каждого из двух игроков в биполярной системе к получению «преимущества от баланса сил» (the better of the balance)⁴⁴.

В таких условиях «установленным уровнем ожиданий» для Антиоха было невмешательство римлян в дела Малой Азии и сохранение его собственного плацдарма в Европе (Фракия), а для Рима – очищение Антиохом Европы и право римлян вмешиваться в малоазийские дела. Таким образом, для обеих держав это был «спор, требующий разрешения», а в рамках античной «дипломатии принуждения» такой спор не мог быть разрешен иначе, как в ходе очередного витка «войны за гегемонию»⁴⁵.

Здесь А. Экстейн чересчур усложняет положение дел. Столкновение двух держав было неизбежно, и вторжение в Грецию было действительно начато Антиохом, однако Рим дал ему для этого повод, пытаясь вмешиваться в малоазийские дела царя и в ультимативном тоне требуя освободить Фракийский полуостров, который Антиох считал своей родовой собственностью. Именно Рим, выведя войска из Греции, спровоцировал Антиоха на вторжение, и думается, что римские сенаторы это прекрасно понимали.

В заключительной IX главе книги А. Экстейн рассматривает период от Апамейского мира (188 г. до н.э.) до начала войны с Персеем (170 г. до н.э.), когда, по его словам, «межгосударственная анархия» постепенно начинает замещаться «иерархией государств». А. Экстейн задается вопросом: какая же дефиниция более всего подходит для обозначения той ситуации, которая сложилась в Восточном Средиземноморье после 188 г. до н.э. и просуществовала до 170 г. до н.э.? Среди возможных видов «межгосударственной иерархии» американский политолог М. Дойл выделяет следующие: «формальная империя» (formal empire) и «неформальная империя» (informal empire)⁴⁶, «гегемония» (hegemony)⁴⁷, «сфера влияния» (sphere of influence)⁴⁸.

ни соответствует реальному балансу сил и возможностей в системе» – Eckstein 2008, 21 (со ссылкой на Gilpin 1981).

⁴² Eckstein 2008, 275.

⁴³ Eckstein 2008, 283–302.

⁴⁴ «Каждая сторона стремится к созданию ситуации, в которой она обеспечила бы себе более выгодную стратегическую позицию, чем другая сторона» – Lowes Dickenson 1926, 4–7.

⁴⁵ Eckstein 2008, 308–321.

⁴⁶ «Эффективный контроль, формальный или неформальный, над подчиненным обществом со стороны имперского общества» – Doyle 1986, 30.

⁴⁷ «Ситуация при которой метрополия стремится контролировать внешнюю политику более слабых соседей постоянно, но еще не стремится контролировать их внутреннюю политику и структуры власти» – Doyle 1986, 44.

⁴⁸ «Ситуация при которой метрополия стремится установить определенные ограничения в иностранных сношениях более слабых государств, но не вторгается в их внут-

А. Экстейн не считает правильным применять ни одно из этих понятий к отношениям Рима с государствами Восточного Средиземноморья между Сирийской и третьей Македонской войнами. Напротив, более «мягкая» дефиниция «асимметрия власти в ситуации однополярности» (*asymmetry of power in unipolarity situation*)⁴⁹, обозначающая начальную ступень на пути создания «иерархии государств», представляется ему подходящей. По мнению А. Экстейна, вплоть до 171 г. до н.э. существовал работающий *modus vivendi* (механизм сосуществования), основанный на римской однополярности и греческой независимости, хотя греческим государствам и не удалось уравновесить римское преобладание⁵⁰.

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что целесообразность междисциплинарных исследований, подобных рецензируемой книге, не вызывает сомнений. Кроме того, колебание маятника в сторону ревизии господствовавших ранее взглядов У. Харриса, которые, в свою очередь, были ответом на длительный период невнимания исследователей к внутренним мотивам римской экспансии, представляется вполне закономерным. Однако в таком случае встает вполне резонный вопрос: насколько рецензируемая книга является данью переменам в политической атмосфере американского общества на рубеже XX–XXI вв. (в частности, успеху идеологии неоконсерваторов), а насколько – ответом ученого на господство одной из точек зрения на интересующую его проблему?

Ценность и одновременно слабость монографии А. Экстейна в том, что она является именно междисциплинарным исследованием, причем с чрезвычайно сильным акцентом на актуализацию выбранной для исследования темы антиковедения. Использование непростых политологических дефиниций и причудливых аналогий подчас вызывает у историка сомнения в убедительности подобной аргументации.

Последователями У. Харриса рецензируемая книга была воспринята как попытка возвращения к теории «оборонительного империализма», которая всегда опиралась отчасти на трактовку отдельных войн Рима и их результатов, отчасти – на отказ римлян от аннексии территорий в эту эпоху, а отчасти – и на их собственное представление о том, что они вели лишь справедливые войны⁵¹.

А. Экстейн, разумеется, не стремился вернуть к жизни теорию Т. Моммзена и М. Олло, хотя отдельные ее положения действительно переключаются с его собственными выводами и, особенно, с его идеей о том, что феномен римского империализма обязан своим происхождением некоей системной необходимости, а вовсе не сознательной воле Рима. Создание империи в отсутствие устойчивого стремления к этому со стороны государства, которое эту империю создает, кажется бессмысленным и даже парадоксальным. Объяснять политику римлян на Востоке на рубеже III–II вв. до н.э. главным образом системным императивом – значит, по меньшей мере, несколько упрощать ситуацию.

Вмешательство Рима в дела Восточного Средиземноморья было обусловлено в том числе и поведением самих греческих государств. В этой связи представляется уместным привести слова Э. Грюэна, которыми он заканчивает свое исследование истории римского завоевания на греческом Востоке: «Эллада, наконец, попала под римскую власть, но не вследствие того, что Рим экспортировал свое устройство на Восток, но потому, что греки постоянно втягивали уроженцев Запада в свою собственную организацию» Gruen 1984, 730.

В целом же значимость книги А. Экстейна для современных исследований римского империализма достаточно велика. Во-первых, несомненное значение имеет ревизия устоявшихся взглядов на проблему. Для конца 1970-х годов такую же роль сыграла книга У. Харриса, основные положения которой оспариваются автором рецензируемой монографии. Во-вторых, введение в научный оборот историков понятий из современной теории международных отношений, как показывает пример А. Экстейна, может быть весьма плодотворным и даже полезным. В то же время, подчас автор увлекается подобными понятийными изысками, которые не всегда способны отразить всю сложность и противоречивость тех или иных исторических событий.

ренную политику и не стремится постоянно контролировать их внешнюю политику» – Doyle 1986, 44.

⁴⁹ «Ситуация обладания сверхдержавой превосходящим и несопоставимым влиянием на более слабые государства, благодаря чему она получает особые права и привилегии в отсутствие противодействующей державы» – Donnelly 2006, 144.

⁵⁰ Eckstein 2008, 361–381.

⁵¹ Erksine 2010, 38–39.

Литература

- Кащеев В.И.* 1993: Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М.
- Моммзен Т.* 1994, I: История Рима. Т. I / А.Б. Егоров (отв. ред.). СПб.
- Ростовцев М.* 1918: Рождение Римской империи. Пг.
- Badian E.* 1968: Roman Imperialism in the Late Republic. Ithaca.
- Derow P.S.* 2003: The Arrival of Rome: From the Illyrian Wars to the Fall of Macedon // A Companion to Hellenistic World / A. Erksine (ed.). Oxf., 51–70.
- De Sanctis G.* 1907–1923: Storia dei Romani. 4 vols. Torino.
- Donnelly J.* 2006: Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy: American Power and International Society // EJIR. 12, 70–139.
- Doyle M.* 1986: Empires. Ithaca–New York.
- Eckstein A.* 2006: Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome. Berkeley–Los Angeles.
- Eckstein A.* 2008: Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxf.
- Erksine A.* 2010: Roman Imperialism. Edinburgh.
- Errington R.M.* 1971: The Alleged Syro-Macedonian Pact and the Origins of the Second Macedonian War // Athenaeum. 49, 336–354.
- Gilpin R.* 1981: War and Change in World Politics. Cambr.
- Gruen E.S.* 1984: The Hellenistic World and the Coming of Rome. 2 vols. Berkeley–Los Angeles.
- Harris W.V.* 1979: War and Imperialism in Republican Rome: 327–70 B.C. Oxf.
- Holleaux M.* 1935: Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273–205). P.
- Frank T.* 1914: Roman Imperialism. N.Y.
- Lebow R.N.* 2001: Contingency, Catalysis and International System Change // PSQ. 105, 591–616.
- Lowes Dickenson G.* 1926: The International Anarchy, 1904–1914. N.Y.
- Mommsen T.* 1854–1856: Römische Geschichte. 3 Bd. Lpz.
- Morgenthau H.J.* 1948: Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y.
- North J.* 1981: The Development of Roman Imperialism // JRS. 71, 1–9.
- Raaflaub K.R.* 1996: Born to be Wolves? Origins of Roman Imperialism // Transitions to Empire: Essays in Greco-Roman History, 360–146 BC in Honor of E. Badian / R.W. Wallace, E.V. Harris (eds.). Norman, 273–314.
- Rosenstein N.* 1999: Republican Rome // War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, the Mediterranean, Europe and Mesoamerica / K.R. Raaflaub, N. Rosenstein (eds.). Cambr., 193–205.
- Veyne P.* 1975: Y a-t'il eu un impérialisme romain? // MEFRA. 85, 793–855.
- Walbank F.W.* 1967: Philip V of Macedon. Cambr.
- Waltz K.N.* 1979: Theory of International Politics. N.Y.

А.В. Васильев,
аспирант кафедры истории Древней Греции и Рима
Санкт-Петербургского государственного университета